

„Сов. артист“ 18 октября 1988

АНАТОЛИЙ ИВАНОВИЧ

К 60-летию А. И. Орфенова

«ГДЕ Анатолий Иванович?», «Спросите у Анатолия Ивановича», «Это сделал Анатолий Иванович», «Куда смотрит Анатолий Иванович!», «Я прямо скажу Анатолию Ивановичу!», «Что сказал Анатолий Иванович?»...

Это жизнь театра.

Артист едет на гастроли — артиста приглашают на гастроли; артиста назначают на роль — артиста снимают с роли; «ставят» на афишу — «снимают» с афиши... У артиста «не звучит» («звучит»), артист слишком толст (слишком худ); «Почему поэт этот, а не другой; почему поэт другой, а не этот»... Дать репетиции, составить списки, решить вопрос, согласовать решение, изменить решение...

«Анатолий Иванович нам должен»... «Мы Анатолию Ивановичу не должны». Все неудачи к нему! Громко, требовательно, настойчиво! Удачам... он тихо и незаметно радуется «про себя», притаившись в глубине ложи дирекции.

Вот он бежит по коридору с развешивающимися бумажками-планами. Вот уговаривает артиста, вот журит его, терпеливо выслушивает исповедь, «спокойно» принимает каскад обид и недовольств. Вот говорит по телефону с Ленинградом, Киевом, Тбилиси: надо «спасать» спектакль там («я пошлю артиста вам»), надо «спасать» спектакль тут («пришлите нам»).

Вот он усталый, чуть сутулясь, сидит на случайно оказавшемся «на ходу» стуле. Закрученные одна за другую длинные ноги, торчат коленки... День рабочий, вернее, его первая половина уже закончена. Пора уже сесть за руль машины и попробовать успеть съездить пообедать, но!..

Звонят из поликлиники: «Анатолий Иванович, сегодня не может петь артист...».

Я давно знаком с Анатолием Ивановичем Орфеновым, много с ним работал, но почему-то (кто знает почему?), когда я его вижу или слышу о нем, то представляю себе элегантного юношу, который изящно опираясь о стену скромного дома придворного шута, стоит на лестнице с цветком в руках и нежно-нежно воркует о любви с девицей Джильдой, головка которой высывается из окна. Это была постановка Станиславского и Мейерхольда. Я многое из нее забыл, но изящного юношу с цветком в руке помню очень хорошо.

Я не скажу, что эта актерская

работа артиста Орфенова была венцом его творческих достижений. Нет, его Вашек в «Проданной невесте» был куда более интересен. Здесь был тот объем характера, который выдает истинную творческую мудрость, автора сценического образа — актера. Вашек Орфенова это тонко и умно сделанный образ элементарного дурака. Сами физиологические недостатки персонажа (заикание, глупость), столь неприятные в жизни, облекались на сцене в одежды человеческой любви, юмора и обаяния. Этого заикающегося, незлобного и доверчивого дурака нельзя было не любить, не жалеть, всем хотелось, чтобы ему было хорошо. Чтобы сделать такой образ, мало быть мастером, надо быть человеком. Чтобы вызывать на сцене к себе любовь и сострадание, надо знать цену этим чувствам, надо бережно хранить их в себе. И он сохранил, сохранил для театра.

Что надо ему, артисту с именем (и званием), педагогу с опы-

том (и тоже со званием), наконец, человеку (с хорошей пенсией)? Ему надо радости, близкой, переживаемой индивидуально в темном углу ложи дирекции. И эта радость складывается, как мозаика, из тысячи мелких, едва заметных постороннему глазу фактов: только что принятый стажер впервые вышел на сцену Большого театра; известный и любимый артист вновь обретает временно утерянную вокальную форму; как пришелся этой молодой артистке костюм прекрасной дамы; как тонко удалась решающая интонация роли у знаменитости, с которой так труден был вчерашний телефонный разговор... Во имя золотой песчинки не жаль огромного и терпеливого труда — промывки тонн ила, наносов...

Этому человеку для жизни необходим пыльный воздух театра; ему не нужен озон Kislovodsk, ему вреден мягкий диван со вчерашним номером журнала — он присел на минутку на стуле, случайно оказавшемся «на ходу».

Вокруг него шумит актерская братия, возмущается и радуется, шутит и требует, хлопочет, язвит и целуется. Он посидит немного и пойдет дальше. Пойдет помогать молодому певцу преодолевать вокальные трудности партии, говорить с недовольным дирижером, собирать мнения «главных» (а их много, и все разные), а тут еще вечерний спектакль, который в любой момент может превратиться в легкокрылую птицу (у этих вечерних спектаклей всегда намерение «лететь»)! Надо спешить позвонить, согласовать, изменить, переговорить, убедить...

Какое имя у этой деятельности? Любовь!

Не знаю, всему ли научился Анатолий Иванович Орфенов у своих первых учителей по искусству — К. С. Станиславского и Л. В. Собинова. Но любить театр он научился на пять с плюсом, и на всю жизнь.

А 60 лет? Это — формальность!

Б. ПОКРОВСКИЙ.

После юбилейного спектакля «Борис Годунов» с участием А. Орфенова в роли Юродивого. Слева направо: И. Архипова, А. Огнивцев, З. Анджапаридзе, А. Орфенов, Г. Королева, О. Димитриади.

Фото Б. Борисова.